

© 2011 г.

**А.И. ВИТАЛЬЕВА**

## **ИДЕОЛОГ АНГЛИЙСКИХ ВИГОВ Э. БЁРК**

Истоки современного либерализма уходят вглубь веков. Античные образцы “свободного” государства не раз ставились в центр изучения философами, а затем историками разных времен. В раннее Новое время в Британии появилась неоримская теория свободных государств. Т. Гоббс, Дж. Локк и др. привнесли в нее новое, либеральное, понимание свободы, на основании которого могли “повесить ярлык “рабства” на ряд других типов правления (например, Старый порядок во Франции или правление британцев в Америке), которые обычно рассматривались как вполне легитимные и даже прогрессивные”<sup>1</sup>. Если анализировать доводы либеральных мыслителей и сравнить их с неоримской теорией, то выяснится, что разное понимание границ естественного права приводило к тому, что одни и те же государства для одних были свободными, а для других нет.

Одно дело, если философ или историк рассуждает о критериях свободы, совсем другое – когда человек начинает рассуждать о них по воле политического случая. Так случилось со знаменитым британским политиком, мыслителем и публицистом, “достопочтенным сэром” Эдмундом Бёрком (1729–1797). Журналист, автор эстетико-теоретических работ, он стал членом английского парламента и на протяжении всей жизни не переставал бороться за свободу. Он расценивал эту борьбу как служение государству.

Знаменитый политик родился в семье адвоката Ричарда Бёрка и Мэри Нейгл. По одним данным, он появился на свет в Дублине, а по другим – в Блэкуотере (графство Корк)<sup>2</sup>. Р. Бёрк хотел, чтобы его сын стал юристом и определил его в Тринити-колледж в Дублине. В 1750 г. Э. Бёрк поступил в лондонскую адвокатскую школу Мидл Темпл. Однако вскоре юриспруденция наскучила ему. Увлечшись литературой, он отказался от карьеры адвоката, поссорился с отцом и, оставшись без материальной поддержки, вынужден был зарабатывать на жизнь ремеслом журналиста<sup>3</sup>.

Первая проба пера на политическую тему относится ко времени, когда Э. Бёрку было 27 лет. Он уже приобрел писательский опыт и решил выступить в “защиту естественного общества”. Трактат “В защиту естественного общества, или обозрение бед и несчастий, приходящихся на долю человечества в любого рода искусственно созданном обществе” в духе Просвещения наполнен рассуждениями о “естественном обществе”, “естественном состоянии”, “естественной религии”, “общественном договоре”, “естественной свободе”, законах Природы. Размышляя об античных формах правления, Э. Бёрк пришел к выводу, что все они “суть тирании”<sup>4</sup>. О свободе он писал: “Аристок-

---

*Витальева Анна Игоревна* – аспирантка исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

<sup>1</sup> *Скиннер К.* Свобода до либерализма. СПб., 2006, с. 57.

<sup>2</sup> *O'Brien C.C.* The great melody. A thematic biography of Edmund Burke. Chicago, 1994, p. 3.

<sup>3</sup> *Чудинов А.В.* Размышления англичан о французской революции: Э. Бёрк, Дж. Макинтош, У. Годвин. М., 1996, с. 28.

<sup>4</sup> *Бёрк Э.* В защиту естественного общества, или обозрение бед и несчастий, приходящихся на долю человечества в любого рода искусственно созданном обществе. В письме покойного благородного сочинителя к лорду. – *Бёрк Э.* Правление, политика и общество. М., 2001, с. 101.

ратия и деспотизм различаются лишь по названию... Народ, лишенный участия в законотворчестве, во всем оказывается – при том, что им управляют двадцать независимых от него человек – таким же рабом, как и в случае, когда господствует лишь один... Эта обманчивая идея свободы, зарождающая в подданном призрачную надежду на счастье, тем вернее налагает на него оковы подчинения”<sup>5</sup>. Правительства, по его мнению, угнетали свободу, если нарушали “правила справедливости, чтобы удержать свою власть”<sup>6</sup>. Для Э. Бёрка “справедливость” – один из критериев свободного государства. Впоследствии она станет у него синонимом понятия “свобода”.

В 1759 г., через три года после издания трактата “В защиту естественного общества...”, Э. Бёрк стал личным секретарем члена парламента У. Гамильтона. Их союз оказался непрочным. Э. Бёрк и У. Гамильтон не сошлись ни характерами, ни принципами. Но 1761–1763 гг. не прошли для молодого политика даром. В то время, пока У. Гамильтон руководил штаб-квартирой лорда-лейтенанта Ирландии в Дублине, он имел возможность познакомиться с “тайными пружинами политики и механизмом государственной власти”<sup>7</sup>. В 1764 г. Э. Бёрк вступил в литературный клуб, членами которого были С. Джонсон, Д. Рейнольдс, О. Голдсмит<sup>8</sup>.

Независимый характер и принципиальность поставили точку в сотрудничестве Э. Бёрка с У. Гамильтоном. А в 1765 г. глава правительства маркиз Рокингем, лидер партии вигов, пригласил молодого политика на место личного секретаря. Э. Бёрк был избран в Палату общин. Вскоре он стал одним из лидеров фракции Рокингема.

В 60-е годы XVIII в. в Англии началось реформаторское движение, целью которого было расширить систему представительства, причем лидерами здесь зачастую были провинциалы<sup>9</sup>. Если в 1765 г., в пору исканий общественного идеала, Э. Бёрк утверждал, что “политические сообщества совершают насилие над природой”<sup>10</sup>, то в 1769 г. он пытался разобраться во внутреннем устройстве “древней британской конституции”<sup>11</sup>, соединяя закон Божий и закон гражданский. Формула двуединого закона, английское “историческое право” и память об английской Революции 1689 г. стали критериями оценки любого политического события. Предстоящие реформы должны были коснуться избирательной системы, поскольку доступ к аппарату управления имели только избранные представители английской нации, т.е. электоральное меньшинство, которое вряд ли выражало интересы и чаяния простого народа. Либерально настроенная партия вигов узрела в этом несправедливость и взяла курс на проведение реформы избирательного права. Э. Бёрк лично принял в этом большое участие. Английский народ, по его мнению, был лишен гражданской свободы. В дальнейшем он разовьет свою мысль о чертах, присущих свободному народу и свободному государству. И произошло это на следующем этапе его политической карьеры: во время неудачных действий британского правительства в американских колониях, приведших к войне.

Причиной объявления войны была экономическая политика короны. Против ее несправедливости протестовали не только американцы, но и английские торговые круги, которые считали вводимые правительством акты противоречащими интересам государства. В апреле 1774 г., в разгар американского кризиса, Э. Бёрк выступил с “Речью об американском налогообложении”, где коснулся вопросов “взросления” народа, достойного свободы. “Что до меня, – заявлял он, – то я никогда не смотрел [с алчностью] на их цветущую торговлю, развитую и свободную (курсив мой. – А.В.) жизнь, и они кажутся мне, скорее, древней нацией, достигшей совершенства в результате долгой

<sup>5</sup> Бёрк Э. В защиту естественного общества..., с. 89.

<sup>6</sup> Там же, с. 80.

<sup>7</sup> Чудинов А.В. Указ. соч., с. 28.

<sup>8</sup> White S.K. Edmund Burke: modernity, politics and aesthetics. Boston, 2002, p. 9.

<sup>9</sup> Christie I.R. Wilkes, Wyvill and Reform: The Parliamentary Reform Movement in British Politics, 1760–1785. London, 1962.

<sup>10</sup> Бёрк Э. В защиту естественного общества..., с. 81.

<sup>11</sup> Pocock J.G.A. Politics, Language and Time. Essays on political thought and history. London, 1972.

череды счастливых событий и багажа успешных отраслей торговли, собравшей многовековое богатство, чем вчерашними колониями”<sup>12</sup>. А вот еще одно восторженное высказывание об Америке: “Кроме торговых ограничений, у нее были все черты свободного народа во всех ее внутренних интересах. У нее был образ Британской Конституции. У нее было ее содержание. С нее собирали налоги собственные представители. Она выбирала большинство своих должностных лиц. Она им всем платила. Она в результате получила в свое распоряжение собственное внутреннее правительство. Это общее состояние торгового рабства и гражданской свободы, взятые вместе, конечно, не совершенная свобода; но, сравнивая ее с обычными обстоятельствами человеческой природы, это было счастливое и свободное состояние”<sup>13</sup>. Казалось, Э. Бёрк оправдывает существовавшую политику Британии. В действительности, собственное понимание свободы не давало ему скатываться в крайности.

Совершенство недалеко от крайности. “Совершенная свобода”, вероятно, представлялась политику той вещью, с которой неразумные массы просто не знали бы, что делать. Даже в теории она не пришлась ему по душе. Свобода должна иметь ограничения, и Э. Бёрк не был оригинален в этом вопросе. Ш.-Л. Монтескьё видел свободу в праве “делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не должно хотеть”<sup>14</sup>. А Ж.-Ж. Руссо выдвинул другой принцип, который по его словам, “чем больше оспаривают, тем больше дают случаев подтвердить его с помощью новых доказательств”. “Свобода – это не плод, созревающий под всеми небесами, поэтому она доступна и не всем народам”<sup>15</sup>, но лишь тем, кто приложит усилия для ее достижения. Согласно “общественному договору”, “человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем он обладает”<sup>16</sup>. Просветители в большинстве своем не признавали человека абсолютно свободным. Э. Бёрк также видел свободу в равенстве ограничений. Вопрос с Америкой касался лишь их масштабов, но не отмены таковых: “Будьте довольны, привязав Америку законами торговли; Вы всегда так поступали. Пусть это станет причиной для связывания их торговлей. Не обременяйте их налогами; Вы не привыкли так поступать с самого начала... Если несдержанно, неразумно, пагубно Вы извращаете и отравляете самый источник правительства, причиняя скверные убытки и отвратительные следствия для тех, кем Вы управляете по причине абсолютно безграничной природы высшей власти, с помощью этих средств Вы научите их призвать эту власть к ответу”<sup>17</sup>. Правительство Британии неразумно облагало подданных налогами, обременяя их слишком тяжелой ношей. В итоге сам “родитель” заставил “бунтовать” детей против него. Уместно добавить, что “естественные права”, тесно связанные со “свободой”, были специфически рационализированы Э. Бёрком: право на свободу, в его представлении, должно быть исторически обосновано.

Бёрк много говорит о дочерних связях Америки и Великобритании (“чувства колоний были изначально чувствами Великобритании”<sup>18</sup>), об общей культуре и языке, тем самым подчеркивая общность интересов двух стран. Спустя несколько лет он напишет: “Каждое газетное сообщение о наших победах пронзало мое сердце, которое сотни раз горестно сжималось от боли за тех, кто сносил тяжелейшие удары войны на своей родной земле. И, однако, американцы для меня – это чужеземцы,

---

<sup>12</sup> *Burke E. Speech on American taxation. – The Writings and Speeches of the Right Honourable Edmund Burke: In 12 vols. Boston, 1901, v. 2, p. 33.*

<sup>13</sup> *Ibid.*, p. 34.

<sup>14</sup> *Монтескьё Ш.-Л. О духе законов. – Монтескьё Ш.-Л. Избранные произведения. М., 1955, с. 289.*

<sup>15</sup> *Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. – Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 209.*

<sup>16</sup> Там же, с. 164.

<sup>17</sup> *Burke E. Speech on American taxation..., p. 73.*

<sup>18</sup> *Ibid.*, p. 16.

народ, среди которого у меня, похоже, даже нет ни одного знакомого”<sup>19</sup>. Неужели Э. Бёрк был неискренен? Не был. Выступая за справедливое отношение к американцам, он испытывал к ним живое сочувствие, как испытал бы к любой угнетаемой нации, однако, находясь на службе государству, он не мог предать интересы империи. И ему приходилось лавировать. Э. Бёрк критиковал стремление парламента продавать колонистам право на участие в его сессиях. Он пишет, что американская несвобода указывает на то, что и Англия не свободная страна: “Поскольку некоторые города в Англии не представлены, Америка вообще вынуждена не иметь представительства”<sup>20</sup>. Эти его суждения имеют сходство с идеями английских радикалов, которые считали, что деспотическая политика Англии будет вскоре обращена против нее самой<sup>21</sup>. Политик напоминал, что парламентские реформы необходимы, поскольку несовершенство выборной системы вызвало недовольство в империи и грозит потерей ее благосостояния. Он обращается к древней английской “конституции”, когда рассуждает о системе местных законодательств. Предоставить колонистам свободу – значит потерять управление над ними, а это недопустимо. Надо держать их в подчинении, но таким способом, чтобы они сами сочли нужным подчиняться. Согласно “имперской теории” Э. Бёрка, именно парламент Великобритании должен управлять и контролировать законодательства подданных, обладая безграничными полномочиями, но обеспечивая мир и взаимную справедливость. С одной стороны, политик симпатизировал поднявшейся нации, ее справедливой борьбе за свободу, с другой – пытался спасти авторитет империи.

К мнению Э. Бёрка в парламенте не прислушались. Войну предотвратить не удалось. Незадолго до ее начала, в марте 1775 г., он выступил с речью “О примирении с колониями”. “Поскольку после всей нашей борьбы, – говорил он, – хотим мы или нет, мы должны управлять Америкой согласно природе вещей и обстоятельствам, а не согласно нашему воображению или абстрактным идеям права, никоим образом не относящимся к общим теориям управления, обращение к ним кажется мне в настоящий момент не больше, чем сущей безделицей”<sup>22</sup>. Э. Бёрк призывал управлять Америкой так, чтобы не нарушать прежних связей, и как того требуют обстоятельства. Понятие “свобода” была определяющим в его дискурсе и имела свои критерии: “Этот неистовый дух Свободы в английских колониях, возможно, сильнее, чем в любом другом народе на Земле... Прежде всего, народ колоний – это потомки англичан. Англия, сэр, это нация, которая, я все еще надеюсь, уважает свою свободу и прежде восхищалась ею. Колонисты эмигрировали, когда эта черта характера [англичан] преобладала; и они унаследовали эту склонность [к свободе] с того момента, как отделились от нас. Поэтому они не только посвящены Свободе, но Свободе согласно английским идеям и принципам. Абстрактная Свобода, как любые другие абстракции, не должна существовать. Свобода несет в себе разумную цель; и каждая нация сформировала для себя некую любимую позицию (курсив мой. – А.В.), которая путем возвышения становится критерием ее счастья. Вы знаете, сэр, что споры на счет свободы начались в давние времена и были связаны с вопросом налогообложения. Многие споры в древних сообществах разворачивались первоначально из-за права выбора должностных лиц или из-за уравнивания различных порядков в государстве”<sup>23</sup>. “Любимая позиция”, помимо “справедливости”, – еще один синоним “свободы”.

<sup>19</sup> Бёрк Э. Речь господина Бёрка в гильдейском зале, в городе Бристоль, произнесенная накануне недавних выборов в этом городе по поводу некоторых моментов его парламентской деятельности. – Бёрк Э. Правление, политика и общество, с. 276.

<sup>20</sup> Burke E. Speech on American taxation..., p. 73.

<sup>21</sup> Семенов С.Б. Английские радикалы и война за независимость США. – Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.): Сб. науч. статей по итогам Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 2003, ч. 1, с. 95–103.

<sup>22</sup> Burke E. Speech on moving his resolutions for conciliation with the colonies. – The Writings and Speeches, vol. 2, p. 108–109.

<sup>23</sup> Burke E. Speech on moving his resolutions..., p. 121. Ср. “неистовый дух свободы” с рассуждениями об “исступлении” у Д. Юма.

Для всех наций – свое мерило счастья. Сторонник географического детерминизма, Монтескьё рассуждал о разных формах правления для разных территорий и государств. Э. Бёрк говорил о конкретно-исторических проявлениях свободы: свобода от налогообложения, свобода выбора должностных лиц и т.д. Бёрковская свобода покоилась на принципе давности: нация может пользоваться тем видом свободы, за который она боролась в прежние времена. Тогда это и есть “естественная” свобода (историческое право нации), а не результат “метафизических” размышлений. Поскольку американцы боролись за свободу от торгового рабства, за право иметь своих представителей в парламенте, они заслужили ту степень свободы, на которую претендовали: “Говоря о характере американцев, любовь к свободе изначально доминировала как черта, которая обозначает и отличает их в целом; и так как пылкость это всегда ревностное действие, колонии становятся подозрительными, беспокійными и несговорчивыми всякий раз, как видят малейшую попытку отнять у них силой или с помощью хитрости то единственное преимущество, ради которого они живут”<sup>24</sup>.

“Речь о примирении с колониями” вся пропитана духом свободы<sup>25</sup>, который Бёрк признал исконно присущим американцам. В полемике он пытался воздействовать на умы англичан, вселяя в них страх потерять свободу: “Ибо, чтобы доказать, что американцы не имеют права на их свободы, мы каждый день предпринимаем попытку перевернуть принципы, которые охраняют наш собственный дух. Чтобы доказать, что американцы не должны быть свободны, мы обязаны недооценивать саму свободу; и мы, кажется, никогда не одержим верх в споре с ними без нападков на те принципы и высмеивания тех чувств, за которые наши предки проливали кровь”<sup>26</sup>. Решением конфликта стало бы убеждение американцев в том, что их свобода более охраняема, если исходит от англичан. Американцы должны жить в духе английских свобод, налогообложение должно соответствовать духу английской “конституции”, т.е. договорному праву, регулирующему систему торговых отношений.

Много сил приложил Э. Бёрк, пытаясь отстоять право американцев на пользование свободой. Избиратели с восторгом слушали речи политика. Члены парламента тоже слушали, но не услышали его. Э. Бёрк почувствовал проигрыш в кампании по примирению Англии и колоний, когда война еще не была закончена. Однако он считал вполне прогнозируемое поражение Британии естественным исходом ее несправедливой политики, а американцев – нацией, которая добыла свободу в результате упорной и справедливой борьбы. Поскольку британское правительство избрало метод решения конфликта с помощью военной силы, надежды Э. Бёрка на “мир, добытый в духе мира” оказались тщетны. Ему ничего не оставалось, как констатировать успех Америки: “Боюсь, что американские дела разрешатся, и судьба многих мировых государств решится путем наименее для нас желательным. Появилось слишком много распоряжений, чтобы с самого начала решать такие вопросы силой. Я все же не убежден, что такого рода распоряжения применимы ко времени или к [текущим] событиям; и кажется крайне невероятным, что если даже Америка должна быть когда-то основана как государство свободы, то вряд ли она будет обязана своими либеральными установлениями отделению от нашей страны. Если, однако, все обернется по-другому, и наш печальный опыт в этой войне научит нас умеренности и мудрости даже в победе, урокам, которые победа редко дает, я надеюсь, что больше не буду вступать в противоречия с Вами или с другими честными и рационально мыслящими людьми, старающимися на благо воссоединения империи... Я осознаю, что имею много возражений против системы представительства, которую Вы предлагаете. Чтобы сделать ее применимой на практике, Вы обязаны, когда хотите выделить места для американских представителей, отменить последовательно

<sup>24</sup> Ibid., p. 120–121.

<sup>25</sup> *Pocock J.G.A.* Op. cit., p. 225.

<sup>26</sup> *Burke E.* Speech on moving his resolutions..., p. 130.

Срок пребывания и условия, на которых работают действующие члены”<sup>27</sup>. Опыт войны с Америкой был печален: могущество Британии пошатнулось.

В конце 70 – начале 80-х годов XVIII в. Э. Бёрк уделял пристальное внимание и английской политике в Индии. Он выступил с громкими заявлениями о том, что в жестокости по отношению к индийцам англичане превосходили средневековых варваров. В ответ на представленный лидером радикального крыла вигов Ч.Дж. Фоксом билль об управлении Индией, предлагавший продумать более “демократичную или аристократичную модель управления подданными” английского государства, Э. Бёрк выступил с речью, в которой назвал Ост-Индскую компанию “одной из самых развращенных и разрушительных тираний, которые когда-то существовали в мире”<sup>28</sup>. Он заявил, что управляют Индией “мальчишки” без “общественного духа”, не испытывающие к местному населению “симпатии”, а “каждая рупия дохода, добытая англичанином, навсегда потеряна для Индии”<sup>29</sup>.

Знаковым событием в карьере Э. Бёрка стало дело по разоблачению и привлечению к суду генерал-губернатора Индии У. Гастингса. Он неоднократно выступал перед депутатами Палаты общин, взывал к их совести, приводя все новые факты жестокого обращения с туземцами. В 1787 г. парламент вынес решение об импичменте У. Гастингса, но процесс затянулся на долгие годы. Когда в 1794–1795 г. наступила его кульминация, Палата лордов, выступавшая в качестве присяжных, оправдала “великого преступника Азии”<sup>30</sup>. Так Бёрк проиграл свою “баталию” за справедливость на индийской земле.

Несмотря на поражение, Э. Бёрк продолжал отстаивать собственное понимание свободы. По мнению политика, сами англичане не были свободны. Во-первых, лишь ничтожное меньшинство из них обладало правом голоса и рано или поздно все остальные могли взбунтоваться. Во-вторых, подданные Британии – колонисты – заключены в оковы торгового рабства. В-третьих, Британия не признавала иные церкви, кроме англиканской, несмотря на то, что на ее территории проживали различные религиозные группы. Бёрк не разделял народы, населявшие Британию, на своих и чужих, для него это была единая нация, и ей нужна спасительная сила – надконфессиональное христианство. Относиться с уважением к любой религии необходимо, по его мнению, во имя двух целей: корыстной и бескорыстной. Первая связана с финансовыми и земельными интересами государства, вторая – с поддержанием общего “духа нации”. Власти Британии недооценили роль религии в обществе, ведя несправедливую религиозную политику по отношению к ирландским католикам, лишив их права на свободу. Родившись в Ирландии, будучи потомком католиков, отчаянно сражавшихся за свои права, Э. Бёрку как будто было предначертано продолжить эту борьбу. Но если его предки боролись с оружием в руках и проливали кровь, то он, живший уже в другую эпоху, будучи членом английского парламента, не преступил рамки гуманных ходатайств за религиозную свободу. В письмах 1777–1779 гг. Бёрк старался убедить своих адресатов в необходимости толерантного отношения к инаковерующим.

Ирландия, где Реформация не “прижилась”, а католические корни были крепки, стала объектом репрессивных мер, учиняемых английским правительством так, как будто это была его колония. Например, до 1785 г. ирландские лорды-канцлеры все были англичанами, ирландские священники прислуживали английским, католики не занимали государственные должности и были лишены избирательных прав. В экономическом плане Ирландия была практически исключена из имперской торговли<sup>31</sup>. Лишь благодаря Американской революции Ирландия получила некоторую передышку в конфликте с Англией и сосредоточила усилия на реформаторском движении. К тому же именно ирландская армия была необходимой силой для сражения с американскими войсками.

<sup>27</sup> Ibid., p. 307.

<sup>28</sup> Burke E. Speech on Mr Fox’s India Bill. – The Writings and Speeches, v. 2, p. 521.

<sup>29</sup> Ibid., p. 462.

<sup>30</sup> Чудинов А.В. Указ. соч., с. 31–32.

<sup>31</sup> Johnson P. Ireland. A concise history from the twelfth century to the present day. London, 1981.

Одним из первых выгоду союза с Ирландией увидел Бёрк. В 1777 г. он написал своему соратнику Ч.Дж. Фоксу: “Я подозреваю, что Ирландия возьмет на себя инициативу управления и примет существенное участие в этой войне с людьми и деньгами. Было бы хорошо, если бы мы встретились, чтобы обсудить активное рвение и верность ирландского народа и противопоставить это воинствующему духу Америки... Для джентльменов страны будет утешительным... придерживаться мнения, что нести ношу будут не только они, и их гордость будет уязвлена тем, что Ирландия идет нам навстречу и, находясь в зависимости от королевства, охотно вовлекла бы себя в войну, просто за наше достоинство. Как же можем мы, для кого это принципиально важно, держаться в стороне?”<sup>32</sup> Э. Бёрк мыслил смело и прагматично. Но борьба за свободу ирландцев проходила не менее трагично, чем за американскую. Нависла угроза национального конфликта, гражданской войны внутри страны, а это было еще страшнее, чем ведение внешних боевых действий.

Для Э. Бёрка война на религиозной почве была самым страшным видом конфликта. Политик придавал большое значение Божественному Провидению. На языке Просвещения – это “природа вещей”, сообразно которой должна эволюционировать история человечества, и следовательно, угнетать другие религии – преступление, поскольку на микроуровне рвутся семейные узы, а на макроуровне – государственные интересы: “Интерес, который сообщество включает в свои нормы намного больше, чем можно вообразить; и когда [власти] внедряют законы, чтобы перевернуть то, что они (члены сообщества. – *А.В.*) поддерживали с таким трудом, вырождение последует незамедлительно, а вместе с ним и низвержение государства. Семейные узы и так более чем ослаблены среди людей всех вероисповеданий в наших странах и в наши времена. В некоторых из наших соседних стран закон приходит в помощь семейному законодательству. Но любая вещь, которая стремится перевернуть порядок провидения, чтобы дать молодости принудительную власть над зрелостью, чтобы дать страсти и мотовству власть цензора над мудростью и пренебрежительностью, Детям над родителями, означает новую жизнь беспорядка и распутства, которые разрушают нас”<sup>33</sup>. Находясь в постоянной связи с ирландскими политическими лидерами, будучи обозревателем Лондонского католического комитета, Э. Бёрк предъявил все возможные доводы в пользу отмены разного рода репрессий в отношении ирландских католиков. Его старания не прошли бесследно. В 1779–1780 гг. были отменены навигационные акты, в 1778 г. и 1782 г. приняты два билля об облегчении положения католиков. Успех был налицо, а приход к власти в 1783 г. У. Пита-младшего позволил надеяться на его продолжение. Однако радость Бёрка была преждевременной. Над Европой нависла угроза французской революции.

1789 г. – переломный момент в сознании Бёрка. Революция, подарившая французам свободу, угнетала его с первых дней, когда он еще не знал, что через несколько лет начнется Большой террор, якобинство будет сродни новой религии, и цвет французской элиты будет спасаться бегством. Неужели Бёрк, ратовавший за свободу американцев и ирландцев, отступил, сдал свои позиции либерала и превратился в консерватора? В этом вопросе помогают разобраться его письма 90-х годов XVIII в. и знаменитые “Размышления о революции во Франции”. Из триады “свобода – равенство – братство” первая занимала сознание политика в большей степени. Когда по другую сторону Ла-Манша граждане провозгласили себя свободными, он поспешил дать комментарий тому виду свободы, который, по его мнению, обрела Франция. Говоря конкретнее, он увидел лишь “проект свободы” во Франции, “жесткий” и “рациональный”<sup>34</sup>. Вместо свободы, по мнению Э. Бёрка, во Франции была установлена новая форма тягостного подчинения, завуалированного либеральными лозунгами: “Итак, что же такое французская революция? Не всякая вещь, именуемая свободой, является таковой. Не было никогда узурпации, которая не была бы прикрыта доблестным именем. Мы не должны быть

<sup>32</sup> The correspondence of Edmund Burke. In 9 vols. Cambridge, 1958–1970, v. 3, p. 385.

<sup>33</sup> Ibid., p. 457.

<sup>34</sup> The correspondence, v. 6, p. 42–43.

обмануты названиями; вместо свободы французская революция установила узурпацию... военную тиранию..., подстрекаемую яростью свирепой толпы, в которой ни жизнь, ни свобода, ни собственность, ни тем более свобода слова не являются защищенными в данный момент...”<sup>35</sup> Эти слова относятся к ноябрю 1789 г., когда революционное действие только начиналось, и нельзя сказать точно, что подвигло его на столь обличительный тон в либеральной фазе событий. Возможно, законодатели 1789 г. и Э. Бёрк мыслили разными категориями.

Еще во время войны с Америкой Э. Бёрк находил у каждого народа свой критерий свободы. Американцы боролись за отмену торговых ограничений, ирландцы – за религиозную свободу, английский народ – за свободу гражданского выбора. Бёрку не было понятно, за какую свободу боролись французы, поскольку их борьба не была подкреплена давней необходимостью, и уклад жизни при “старом порядке” казался ему традиционным для французской нации. На вопрос, заслуживают ли французы свободу, Э. Бёрк отвечал положительно, но он также считал, что ею надо правильно пользоваться, чтобы собственными руками не нарушить “право, данное нашему роду от рождения”<sup>36</sup>. Для “испорченной” французской нации “государство строгого принуждения сродни необходимому элементу свободы, так как оно может избавить их в какой-то мере от самого худшего рабства, коим является деспотизм их собственных слепых и жестоких амбиций”<sup>37</sup>. Однако, “из всех расплывчатых понятий в мире Свобода – наиболее неопределенное”, если иметь в виду не “индивидуальную”, “эгоистичную”, а “общественную” свободу. “Это такое положение вещей, при котором Свобода определяется равенством ограничения... Такой вид свободы, в действительности, не что иное, как другое название справедливости”<sup>38</sup>. Справедливость в общественной сфере зависела от законов, изложенных в конституции. Недаром Э. Бёрк так ратовал за сохранение основ, когда в английском обществе началось движение за внесение определенных поправок в законодательную систему. Он не принял не само стремление французов к свободе, а отсутствие законного и нравственного основания для нее.

В последние годы жизни Э. Бёрк тяжело болел, но не переставал интересоваться политикой. “Я искренне устал от политики, – утверждал он в одном из писем, – и отдал бы что-нибудь взамен того, чтобы спрятаться в спокойной неизвестности, пока якобинцы не вытащат меня оттуда. Однако мои взгляды однозначны; мои принципы неизменны; время моей политической службы и естественного существования очень коротко... У меня есть только одна мечта – я желаю служить, пока живу, чтобы сохранить тот порядок вещей, при котором я родился. Если кто-то думает, что я могу быть полезен, я в его распоряжении”<sup>39</sup>.

Начавшееся и с успехом развивавшееся реформаторское движение в Англии было свернуто под впечатлением революции во Франции. Реформаторский пыл Питта-младшего быстро остыл, и он взял курс на консервативную политику вместе с членами партии тори. Ирландские католики, на мгновение почувствовавшие облегчение, не обрели всей полноты свободы. Вплоть до первой половины XIX в. они не могли занимать места в ирландском парламенте. В результате в 90-е годы XVIII в. стали активно действовать радикальные группировки. Первая из них – Общество объединенных ирландцев – была основана в 1791 г. Вдохновленное французской революцией, оно поставило себе целью добиться полной независимости страны и равенства для всех ирландцев. Наблюдая за событиями во Франции, Э. Бёрк выступил против идеи абстрактной свободы. Его позиция свелась к призыву ограничить действия бушующих масс и пресечь дальнейшее распространение “французского духа” по всей Европе. Э. Бёрк ушел из жизни в 1797 г., не застав торжества либерального порядка. Путь к нему лежал через следующее столетие.

<sup>35</sup> Ibid., p. 126.

<sup>36</sup> Ibid., p. 41.

<sup>37</sup> Ibid.

<sup>38</sup> Ibid., p. 42.

<sup>39</sup> The correspondence, v. 7, p. 518.